

внезапную и роковую встречу отшельницы с царем. Со всей мыслимой непосредственностью ужасается грозным пророчеством разгневанного Дурвасы. И с надеждами провожаем героиню к царскому двору.

Путешествия по Индии, сотрудничество с консультантом спектакля Майей Рао из Индии и москвичкой М. Котовской, разумеется, имели немалое значение для постановщика. Но ничуть не меньшее значение для А. Чичинадзе имели его бывшие опыты преобразования танцевального фольклора в

ский манер. Разыгрывает целые забавные комедии озорной шут Матхавья (в трактовке даровитого Л. Вариченко). Шакунтала условными жестами, неким пластическим шифром высказывает возникшую любовь, глубокую нежность, трогательное страдание. Душьянта властно отстраняет воинственного, агрессивного Вадрасену (отлично танцует партию военачальника Т. Файзи-ев). И мы окончательно понимаем: усвоенные исполнителями штрихи и подробности ролей далеки от стилизаторской экзотики.

время ощутимо его скрытое изумление: будто бы сам Тедеев неожиданно обнаруживает в своей творческой индивидуальности неподозреваемые ранее свойства.

Есть завораживающая загадочность в его заигнотизированном невидящем взоре, в забвении прошлого. Окаменелые позы Душьянты, тяжкая, словно одолевающая незримую преграду поступь, медлительные, будто сквозь окопы колдовства, жесты, вынужденное бездействие героя образуют картину впечатляющую и вызывают сострадание живейшее.

Тедеев добивается именно сочувствующей зрительской реакции, всячески оправдывает своего героя, драматически сильно изображая, как фатально тяготят над ним злые чары Дурвасы (так нервно, импульсивно и испуганно станцованного Юрием Григорьевым). И чем страшнее чары, тем лучезарней мир прозрения. Тедеев играет воплощенную радость возврата памяти. И путь в будущее — встречу с царевичем Бхаратой.

Наталья Ревич исполнила, в сущности, очень маленькую роль «травести», а решила ее как большую, сложную, серьезную партию. Бхарата — резвый, подвижный, неутомимый, как и положено мальчику его лет, принц с головы до ног. И Тедеев неповторимо сыграл миг узнавания. Обретая сына, герой, наконец, обретает себя. Так в одной мизансцене сконцентрирован возвышенный нравственный смысл творения Калидасы.

...Финал изобильного красками, звуками, чувствами спектакля очень тих, умиротворен. Бхарата и Душьянта приникли к Шакунтале — счастливой и юной. Пожалуй, впечатление молодости — цветущей и торжествующей — остается от спектакля надолго. Подобным впечатлением мы обязаны множеству молодых исполнителей и в кордебалете и среди солистов, молодости творческой фантазии мастеров старшего и среднего поколения — авторов праздничной, необычной премьеры.

Е. ЛУЦКАЯ.

Юная Шакунтала

Заметки о премьере в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко.

Образы, сотворенные художником, на редкость музыкальны. Александр Лушин принес на сцену самые характеристичные черты индийского зодчества, индийской живописи, индийской скульптуры. Четкие на фоне небесной синевы изваяния обольстительных богинь, совершенные контуры храма, ажурные караваны мерно шествующих под надзором погонщиков слонов, многорукий пляшущий Шива на занавесе пролога, пейзажные панно, навеянные древними миниатюрами, костюмы, блистающие красками восточных легенд... Мир красоты, созданный художником, таит гармонию в самых смелых цветовосочетаниях.

Все здесь проникнуто жарким темпераментом: и музыка, и сценография, и танец, и исполнение. Эмоциональность «Шакунталы» выглядит едва ли не открытием.

СЮЖЕТ развертывается упруго и стремительно. Кстати, некоторые купюры в первом действии, возможно, пошли бы во благо спектаклю, еще отчетливей выявив действенный темпоритм. Едва узнав юную Шакунталу, мы уже предвидим

системе выразительных средств танца классического и характерного.

Наивно было бы полагать, что постановщик буквально воспроизводит образцы танцев Индии. Даже в третьем действии — там, где, казалось бы, дивертисмент слагается из подлинных фольклорных «Раджастанского танца», «Барабанчиков», «Павлинов» (блистательно исполненных кордебалетом и солистами театра), мы видим народные подлинники в тончайшей, мастерской аранжировке. А в главных партиях, в соло, дуэтах, ансамблях — элементы индийского классического танца и индийской пантомимы так переплавлены балетмейстерской фантазией, так сложно и прочно сопряжены с классической балетной лексикой, что возникает единое художественное целое.

Исполнители почувствовали целостность, сложность хореографии, выстроили в взаимодействию европейской и индийской танцевальной культуры. Ослепительно улыбаясь, юные отшельницы Анасуя (Е. Бендель) и Приамвада (Е. Голикова) открывают спектакль прологом «Пурва Ранг», кланяясь публике на индий-

Для Маргариты Дроздовой далекая Шакунтала становится характером душевно-близким. Она танцует и играет свою героиню с той внутренней собранностью, с той таинственной силой «магического мышления», какая типична для образов Востока, и с тем трепетом, волнением, горячностью, какие свойственны русской исполнительской школе. Профессиональный рост более всего поражает сейчас в Дроздовой. Весной — удивительный по самобытности дебют в «Эсмеральде». Сейчас — не менее удивительная работа над партией Шакунталы. Отделка любой вариации, любого адажио предельно тщательна. И не менее ювелирно огранены мизансцены. Мгновению первой встречи с Душьянтой, мгновению скорбного ухода отвергнутой Шакунталы, мгновению, когда Шакунтала прощает Душьянту. Возникает плавное, подчиненное безупречной актерской логике развитие характера.

В интерпретации Вадимом Тедеевым партии Душьянты (непривычно для мужественного, экспрессивного танцовщика лирическая, подчас элегичная стихия образа) все

ВЕКОВ пятнадцать миновало с тех пор, как родилась пьеса Калидасы «Шакунтала». Шли годы, столетия. Сквозь мглу времени сияла людям прекрасная история, рассказанная Калидасой. По всем традициям индийской сцены в каждое представление «Шакунталы» на родине великого драматурга вплетались танцы, восточными самоцветами переливались мелодии древней страны.

Танец безраздельно царит на сцене в новом спектакле Алексея Чичинадзе «Шакунтала». Мелодии Индии торжествуют в музыке Сергея Баласаняна. Знаток индийского мелоса, удостоенный первым среди музыкантов премии Д. Неру, он органично, с видимой безусильностью переложил свои впечатления от полуторатысячелетней пьесы, от чудес Индии на язык звуков — пленительно-мелодичный, дышащий сильным и свежим чувством, подчиненный резким, драматически-выразительным контрастам. Эти контрасты меж протяжными певучими лирическими признаниями, динамическими сценами охоты, мрачной экспрессией проклятий гневного Дурвасы, бесхитростных исповедей тоскующей Шакунталы точно переданы оркестром во главе с Георгием Жемчужиним. Томительный и печальный женский вокализ — голос, который будто донесся к нам из далей времени, из дальней Индии, — обрамляет роскошное музыкальное полотно. Образцы, сотворенные композитором, на редкость пластичны, в них уже видится танец.